
ГЛЕБ ШУЛЬПЯКОВ

MUSEO DELLA TORTURA*

Римская поэма

I

...запечатаны в бутылку времени и выброшены в море вечности.
Но моя-то ручка пишет чернилами!

И так далее, так далее.

Возьми в толпу своих призраков, Рим.

Огонь с угасающим треском прячется в хвост, человек сбрасывает балахон и спускается с эшафота. Прямо в цепях он садится за столик. Пьет, потом с наслаждением закуривает. Проверяет телефон.

«У вас нет и не будет новых сообщений».

Как бы мне хотелось быть таким же беспечным.

На ходу я разбрасываю бумажки — свернутые в трубочку пасквили.

«Ненавижу этот город. Сжечь бы его».

Когда я сажусь на большой палец, старик вскакивает с каталки и машет проводом от наушников. Лучше бы гонял обруч.

Человек-пасквиль, человек-обруч.

Человек-который-ничего-не-весил.

Тут простейшая левитация, теряешь столько, сколько способен вытеснить.

«Танцуй, кривляйся — ведь и в одной монетке музыка».

Рим камней, мир воды. В реках мрамора твои плавники.

Как пройти твои коленные чашечки?

Шульпяков Глеб Юрьевич родился в 1971 году в Москве. Окончил факультет журналистики МГУ. Поэт, прозаик, переводчик, драматург, эссеист. Автор четырех книг стихов, нескольких сборников путевых очерков и романов. Живет в Москве.

* Музей пыток (*итал.*).

Да, бывают дни, когда я еле волоку ноги. Просто увязаю в камне, настолько он мягок. Но, бывает, просыпается и моя бабочка. Розовая точка, моя планета.

Обсуждение не закончено, для повторной экспертизы нужно заново уничтожить город.

Ходатайство отклоняется, кошка спрыгивает с колен. Под оглушительное молчание цикад (уходит).

В следующей жизни ты кошачий царь.

Нет, категорически запрещается: ни кормить, ни брать на руки. Этот равви скорее даст умереть сыну, чем позволит врачевать его именем Иешуа бин Пантеры. Безумец из Галилеи. Сюда, пожалуйста — в платяном шкафу синьору будет покойно, стены нашего гетто вопиют беззвучно. Вода в холодильнике бесплатно.

Человек-булыжник. Небольшой и круглый как детский череп.

Собственно, черепами здесь все и выложено.

«Ваша пижама могла бы дирижировать оркестром».

Целые толпы: пижамы в музеях, на остановках, за столиками.

Души умерших или нерожденных, кстати.

Как разбудить ее?

Белый шлем, белый плащ, белый шум. Моя рабочая форма. При обнаружении нажать кнопку «Вкл». Стая взмывает и колыхается над городом как сетка.

Где найти перо, чтобы описать ее подвижный рисунок?

Рыбка ловится, время течет. Бросай!

Жизнь это палиндром с пропущенной буквой, но в Риме всегда мир, всегда любовь.

Где найти слова, чтобы выразить... и так далее, так далее.

II

На ступеньках церкви всегда кто-то сидел, пили из пакетов или хрустели городской картой. А кафе выставляло столики немного ниже на площади. Первым на колокольчик откликнулся старик в фартуке. Он стоял за кофемашиной, и узнал меня, или сделал вид. А девушка кивнула, не поднимая взгляда от кассы. И всегда вид у нее был недовольный, а плечи сутулились. Лишний раз не улыбнется. Старухам в огромных, на пол-лица, солнечных очках она принесла кофе и воду. Рядом пил пиво седой плейбой в льняной рубашке. Была студентка с мотоциклетным шлемом на локте и священник (карандашный прибор). Мой чек официантка при-

жала пепельницей. Она составила посуду и отвернулась. Сквозь витрину белело пятно фартука, это был старик. Он следил за ней. Наверное, вдовец — других женщин я за стойкой не видел. Погибла при крушении парома «Коринтия» (был тут такой случай). А девушка мечтает снять проклятый фартук. Но если она уедет, кто будет стоять на кассе? Чужого человека старик не хочет. Хорошо бы тесть занял его место. А она, повторяю, мечтает уехать. Лучше займись ремонтом, говорит он. Ну, она и занялась. Прodelала у себя в комнате третье окно. На восток. Что еще за святая троица? Отец снимает фартук. Какой бог? Не зря все-таки говорят, что сирийской Оронт впадает в Тибр. Отец тащит дочь к префекту. Тот устраивает расследование. Из тех ли ты, спрашивает он, кто собирается перед восходом солнца и воспеваеТ Христа, как если бы он был богом? Христос и есть Бог, отвечает девица. Подумай хорошенько, говорит тот — или нам придется собрать общину. Делайте что должно, отвечает она. Принеси жертву богам, умоляет отец. Отрекись. Этот человек обычный галилеянин, лишенный из-за безумия страха смерти. Тогда мы забудем, что случилось (это говорит префект). Подумай о матери, что бы она сказала (добавляет отец). Но нет, та непреклонна. И процедура начинается. Ее до мяса хлещут воловьими жилами, а раны растирают власяницей, пока та не падает без сознания. Но на следующий день, о чудо, следов нет. Это видят все, кто собрался на экзекуцию, и тогда одна впечатлительная девица по имени Иулиания тоже объявляет себя христианкой. Ее раздевают и подвешивают рядом, и тоже истязают. Но, хвала Господу, воля девиц не сломлена. Закон есть закон, нужно казнить новообращенных; отец сам отрубает дочери голову. Но торжествуют они недолго, той же ночью в городе страшная гроза и оба злодея погибают от молнии. Между прочим, артиллеристы всего мира почитают Святую Варвару своей покровительницей. Известно ли вам, что ее мощи находятся во Владимирском соборе? Их привезла византийская царевна Елена, жена князя Владимира. Обратите внимание, пожалуйста, на фасад, как изящно архитектор вписал церковь в городскую застройку. Вы, наверное, уже прочитали табличку. Dei Librari. Действительно, фасад церкви немного напоминает корешок книги, но это случайное совпадение. Нам повезло, она открыта. Мы увидим поистине уникальную коллекцию интерьеров, имитирующих разные сорта мрамора: каррарский, сицилийский, боттичино фьорито и другие. Прошу вас, отключите мобильные телефоны. Церковь Святой Варвары была построена...

III

Нет! Ничего не меняется в этом городе. «Коринтия» вышла в море, утонула и отбуксирована на рейд. Окна прорублены, заложены и снова прорублены.

Не отменять же завтрак?

И Святая Варвара выносит кофе.

Рим способен отразиться в мотоциклетном шлеме, вот и моя мысль скользит по кругу.

Истории, которые ты придумываешь, рассказаны, забыты и снова рассказаны.

Рим и есть Время, и есть мир.

Есть любовь.

Так будь беспечным — как эти воробьи, например. По пустым тарелкам прыг-скок, «с пятки на мысок».

Время по колено, его здесь море.

*Молодой варвар из страны третьего мира,
в белых штанах с рюкзаком из фальшивой кожи,
я спускаюсь та-та-та в корыто Рима,
и утверждаю та-та-та, что мы похожи...*

Вот так войдешь под арку, чтобы перевести дух, поднимешь голову — ах! Эти волны, эти прохладные впадины и складки.

Руку мастера можно узнать по теням, которыми они наполнены.

«Чем помочь синьору?»

Я потерял время, да и жарко.

«Нет ничего проще, в Сан-Лоренцо отыщется даже то, чего не было».

«Недавно я приобрел там прекрасный тросик для фотокамеры».

IV

Это была пачка выцветших палароидов в оранжевой коробке *Hermes*. Компания молодых людей, юношей и девиц с беспечными шевелюрами, позировала у окна в этой самой квартире. Судя по одежде, конец восьмидесятых. Кроме Даниелы был ее брат, тощий губастый подросток, похожий на Мика Джаггера, а остальные незнакомы. Кто-то курил, кто-то сжимал бутылку. Даниела в короткой юбке, ее стройная фигура. А рядом моя будущая жена. Она потом часто рассказывала, как провела первое лето в Риме среди университетских приятелей Даниэлы. Да вот этих, по всей видимости. Границы только открылись. Даниела и раньше помогала ей, особенно, когда перебралась на родину. Она выросла в СССР и хорошо знала, что это такое, когда нечего надеть, нечем накраситься. Она делала это, словно возвращала долг. Но потом все переменялось. Ее отец разорился, жить в Риме стало бессмысленно дорого и они разъехались: отец с мачехой на юг, а Даниела в Лондон, где нашла работу. Квартиру они сдавали. Это было в середине 90-х, когда в Москве, наоборот, жизнь пошла в гору, и теперь уже она приглашала подругу — на Новый год и летом. Постепенно Даниэла стала частью их семьи, тем более что своей не обзавелась. А эти снимки были свидетельствами жизни, когда обе девушки были одинаково беззаботны (и невинны, добавлю я, ведь память отпускает грехи, есть у нее такое свойство). Она счастлива, а меня нет в ее жизни. Что я делал в это время? Когда она любила Рим, когда ее обнимали молодые люди? Как бывает только в юности? Писал, был ответ; его не печатали; он писал больше, его стали печатать; он писал как будто отдавал, что должен. Но кому

и зачем? Вместо того, чтобы обниматься с пьяными вином и жизнью людьми? Тот отрезок времени, который они прожили вместе, был наполнен взрослым счастьем, но досада, что пока он писал, он упустил что-то важное, осталась. Когда он увидел фотографии, он ощутил ее.

V

— Что вы кричите!

— А вы попробуйте.

Я хлопнул в ладони и услышал эхо.

— Этим приспособлением пользовался Калигула.

Он обвел рукой свод в комнате.

— Устроено так, что слышно все,
о чем говорят на другом конце стола.
Некоторые гости прямо отсюда отправлялись в клетку
к диким животным.
Из-за стола, так сказать, на стол.
Вы не были?

— В клетке?

— Нет, в Музее пыток.

Мой ночной собеседник потер ладони.

— Вот где подлинная история города.
Я даже зарисовал одну штуковину. Смотрите.
Здесь ногу зажимают, а сюда клинья.
Видите?

— Что это?

— Сначала распухает.
Потом из пальцев течет кровь и сало.
Когда сходят ногти, человек обычно теряет сознание.
Ну, тут ему дают понюхать какой-то соли.
Иначе какой смысл?
А суставы и кости дробятся в самом конце.

— Слушайте, зачем такие подробности? Мы за столом.

— Потому что Рим это плотский город.
И ублажать, и истязать: две стороны одной монетки.
Сепсис, болевой шок или остановка сердца?
А когда сдирают кожу или сжигают —
лопаются или вытекают?
Новообращенных-то было тысячи.
Медицина не успевала за палачами.

— Но зачем?

— Затем что истязая плоть, высекали дух.
Можно сказать, соорудили машину по его извлечению.
Она-то и погубила старый Рим.

VI

Подростки облепили цоколь памятника как кошки.

И этот маленький индус — никогда не видел чтобы кто-то покупал у него розы. Чего у них такой несчастный вид?

Один факир, скрестив ноги, сидит на земле. В вытянутой руке он держит палку. Он держит ее как факел. А на палке сидит еще один.

Визуально кажется, что второй висит в воздухе против всех законов физики (на вытянутой руке такую тяжесть удержать невозможно, это уж точно).

Если приспособление внутри одежды, тогда, если первый встанет, второй свалится.

В этот момент их взгляды встречаются. Она? Нет? Не может быть... Шорты, майка. Длинные худые ноги. Загорелые коленки. Стоит в дверях кафе, смотрит. В руках меню.

— Ты одна? — А ты? — Она смотрит в пол. — Я видел тебя на мосту. Я выследил. Ты не против? — Он подзывает официанта. — Что ты хочешь? — Она поднимает глаза. Те же расширенные зрачки, плоские брови. Совсем девчонка, вчерашний подросток.

В этот момент у памятника происходит движение. Оба поворачивают головы.

— Что он разбрасывает?

Человек у памятника раскланивается, потом отвинчивает крышку. Показывает канистру, как фокусник шляпу — тем, этим. Тщательно поливает разбросанные рулоны. Снова показывает канистру. Нет? Может быть, вы? Но зрители отказываются. Он сам выливает на себя содержимое канистры. Толпа замирает. Потом фокусник выпускает изо рта струйку. Люди одобрительно гудят.

Он поднимает руку.

Щелчок, в кулаке огонь.

Протягивает огонь одному, другому.

Та же реакция.

— Это какое-то шоу, — говорит она.

— Зажигалка... — это говорит он. Он узнал ночного собеседника.

Фокусника не видно, толпа окружила его.

— ...и соберет пшеницу свою в житницу свою, — кричит он, — а солому сожжет огнем неугасимым.

Звенят монетки.

Давай, давай!

Хлопок, толпа шарахается.

Аплодисменты! Carabinieri!

Очнувшись, официант сдергивает скатерть и бежит через площадь.

Двое полицейских пытаются потушить огонь.

Потом на площадь медленно вползает машина скорой помощи.

Теперь, когда все столпились у памятника, обратите, пожалуйста, внимание на факиров. В этот момент они разбирают пирамиду. Верхний спрыгивает на землю и на секунду конструкция обнажается. Железная штанга просто проходит через рукав и упирается в основание.

«Тут простейшая левитация, в Риме теряешь ровно столько, сколько способен вытеснить».

Нижний просто удерживает конструкцию собственным весом.

